

САША ПЛИНЕР

ГРАНИЦА
СКРЫВАЕТ
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ МЫ
ГОТОВЫ
ПРИНЯТЬ



ЦИКЛ
— ТО, ЧТО ОСТАВИЛ ЛЕС —



КРОМКА



Саша Плинер

То, что оставил Лес. Кромка

<https://litres.ru/74604647>

SelfPub; 2026

Аннотация

На границе Пожирающего Леса люди давно привыкли жить рядом с тем, чего лучше не понимать.

Люмен – одна из тех, кто остался после Леса. Без прошлого, почти без чувств, с телом, которое помнит больше, чем она сама. Последний год она живет на пограничном посту среди таких же сломанных людей и учится делать то, что остальные называют жизнью.

Но когда кромка начинает двигаться, а на месте сигнального столба за одну ночь вырастает Лес, на пост приезжает Киан – человек императора, которого боятся маги и который при первой встрече смотрит на Люмен так, будто уже знает ее.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Бараки	13

Саша Плинер

То, что оставил Лес. Кромка

Пролог

Душа вошла в Лес без крика.

Эреб слышал это не ушами. Уши годились для звука воды, падающей в каменные чаши, для шороха робы, для редкого скрипа корня в стене. Лес он слышал иначе: той частью себя, что давно была вросшей в Храм-Корень глубже, чем плоть в кость.

Обычно душа сопротивлялась. Даже самые смиренные цеплялись за что-нибудь: за имя, за детский голос, за запах дома, за ненависть, за стыд, за последнюю животную мысль – не хочу. Лес снимал это слой за слоем. Не торопясь. Он не знал милосердия, но обладал точностью.

Хорошее уходило первым. Нежность. Доверие. Способность думать о другом до себя. Все это оказывалось тонким, непрочным, почти бесполезным материалом. Страх держался дольше. Зависть – крепче. Воля к власти иногда переживала даже память о лице. Поэтому маги так любили называть себя очищенными.

Эреб знал, что чаще всего они были просто теми, в ком уцелело наиболее цепкое. Он стоял в своей келье, положив ладонь на влажную стену. Камень под пальцами был холоден, но внутри него двигалось тяжелое тепло Леса. За узким окном не было утра. Только сероватая толща стволов, мох, неподвижный туман и то место мира, куда Империя веками сбрасывала все, что не хотела помнить.

Приговоренные приходили по-разному. По императорской печати. По решению Совета. По подложному обвинению, которое потом становилось законом, потому что мертвые не спорили с протоколами. Иногда Лесу отдавали убийц, иногда бунтовщиков, иногда тех, чья вина состояла только в том, что их смерть была удобна. Двор называл это казнью. Маги – очищением. Лес не называл никак. Он просто принимал.

Но сейчас он не принимал...

Он замер.

Эреб открыл глаза.

Это было почти невозможно. Лес мог захлебнуться чужим страхом, мог выдать рваный сосуд, мог выплюнуть дефектного, который еще три дня будет плакать не своим голосом. Но Лес не замирал. Он работал всегда: в корнях, в почве, в черных жилах Храма, в тех маленьких магических удобствах, за которые придворные дамы благодарили своих ювелиров, а не мертвых.

Теперь ритм сбился.

Вошедшая душа не защищалась.

Не потому, что была пуста. Пустых людей не приводили к Лесу: пустота была не началом, а результатом. Эта душа была полной – слишком полной, если судить по тому, как глубоко дрогнули нижние корни. В ней были любовь, власть, гордость, боль, страх, расчет. Все, из чего обычно получался сильный остаток, пригодный для бараков, постов на границе Леса или высокого мага.

Но она раскрылась сама.

Лес коснулся ее – и не нашел первого сопротивления.

Эреб медленно убрал ладонь от стены.

Внутри него что-то отозвалось не мыслью, а старым знанием. Не воспоминанием; воспоминания были роскошью тех, кто еще мог позволить себе быть человеком. Скорее следом. Отпечатком древнего разрыва. Так было один раз. С ним. Он не позволил этой мысли развернуться. Не сейчас. Не здесь, пока корни Храма вдруг потянулись вниз, к сердцу Леса, как жилы к ране.

Душа проходила очистку ровно. С нее снимали привязанность – она не кричала. Снимали страх – он не рвался наружу. Снимали власть – и даже власть, упрямая, тяжелая, обычно цепляющаяся до последнего, уходила без сопротивления. Лес забирал не только светлое, не только темное. Он забирал все.

Эреб впервые за многие века почувствовал страх. Не человеческий, не быстрый, не тот, что заставляет тело ис-

кать оружие. Его тело осталось неподвижным. Страх прошел глубже – по Храму, по корням, по той пустоте, которую он веками считал завершенной. Так боится не человек. Так боится мера, когда рядом с ней появляется нечто точнее.

Он вышел из кельи. Камень разошелся перед ним узкой щелью. Эреб прошел через нее без усилия, будто Храм выдыхал его наружу. В коридоре пахло мокрым базальтом, старой водой и мхом, который светился слабым зеленым жаром. В чашах у стен стояла черная вода. В ней не отражалось ничего – ни свод, ни лицо, ни тень.

Эреб спускался быстро. Лестница уходила вниз, к площади перед Храмом. В стенах шевелились корни. Обычно они вздрагивали, когда Лес ломал очередную душу, но теперь тянулись в одну сторону, напряженные, почти послушные. Это раздражало сильнее, чем если бы они метались. Лес ждал результата.

Эреб остановился на последнем пролете. Он уже знал, что выйдет не дефектный. Не шумный солдат для поста у границы Леса. Не живой станок. Не маг, который потом будет считать свой уцелевший порок признаком избранности. Что-то иное. То, чего Лес не должен был повторить.

Он вышел на площадь. Храм-Корень стоял в центре Леса не как здание, а как кость, проросшая из земли. Базальтовые плиты площади были влажными. Между ними пробивался темный мох, похожий на запекшуюся кровь. Стволы окружали Храм тесным кольцом; за ними висел туман, низкий

и плотный, будто Лес не хотел показывать, что происходит внутри.

Эреб остановился у края базальта.

Лес разомкнулся.

Сначала возникла тишина. Не мирная. Не пустая. Скорее слишком ровная, слишком плотная для живого места. В Лесу всегда что-то двигалось: скрипели слои древесины, шевелились корни, где-то глубоко булькала почва, принимая очередной человеческий остаток. Но вокруг разрыва между стволами все стало неподвижным.

Потом из тумана вышла женщина.

Эреб понял ошибку в тот же миг.

Не женщина.

Оболочка.

Она ступила на базальт босыми ногами. На коже не было грязи. Лес всегда оставлял следы: черную жижу под ногтями, мох в волосах, кровь, которой уже не должно было быть в теле, чужой страх в запахе. На ней не осталось ничего. Даже сырость не держалась на коже. Одежда висела свободно, серой тканью без достоинства и без позора. Лес не сорвал ее и не сохранил. Он просто не придал ей значения. Волосы были пепельно-серебристыми, неподвижными, как тонкие нити остывшего металла. Лицо – бледное, точное, слишком завершенное. Не красивое. Красота требовала взгляда, который желает, сравнивает, присваивает. Здесь нечего было присваивать. Лес сохранил форму так безупречно, что в

ней стало видно отсутствие прежней владелицы. Она не дышала. Грудь не поднималась. Пальцы не дрожали. Плечи не защищали шею от холода. Подбородок не выражал ни гордости, ни страха, ни усталости. Тело стояло без вопроса к миру. Как сосуд, поставленный на камень. Глаза были открыты. Светлые. Выцветшие. Они принимали площадь, Храм, Лес, Эреба – и ничего не возвращали. Не было узнавания. Не было испуга. Не было даже той тусклой растерянности, которую иногда сохраняли самые глубокие дефекты. В нее падали образы и исчезали, не оставляя кругов.

Эреб сделал шаг вперед.

Пустота перед ним оказалась чище его собственной. Он почувствовал это сразу – и не простил себе мгновения, в которое захотел не чувствовать. Веками он был мерой. Первым успешным сосудом. Первым Архонтом, если верить тем, кто нуждался в титуле для непонятного. Он был доказательством того, что Лес способен выдать не только брак, но и форму. Теперь Лес выдал форму без остатка. Без желания. Без старой вины. Без темного узла, который можно было бы назвать волей и спрятать под словом необходимость.

Эреб смотрел на нее и понимал: если сам он был только предшествием этого... Предтечи Архонта.

Храм под ногами ответил тяжелым внутренним напряжением. Не тревогой. Камень не тревожился. Но древняя система узнавала новое звено, и это знание проходило через Эреба, как холодная вода через трещину.

– Не ожидал, – задумчиво проговорил Эреб.

Фраза вышла ровно. Он не уточнил, чего именно: ее, ошибки Леса или конца собственного превосходства.

Оболочка не ответила. Не молчала – молчание все еще было бы действием. В ней не было того, кто мог бы выбрать звук или его отсутствие.

Эреб подошел ближе. Между ними осталось несколько шагов. Лес за ее спиной уже сомкнулся, будто не желал больше иметь дело с тем, что сам выпустил.

Он поднял руку, но не коснулся ее. Касание было бы преждевременным. Имя должно идти раньше прикосновения. Граница раньше функции. Иначе пустота могла остаться не формой, а провалом.

Вблизи стало заметно больше. Видны были следы тела. Не памяти – память Лес забрал. Но тело всегда лгало хуже души. Линия шеи. Посадка головы, еще не ставшая движением. Пальцы, созданные не для грязи и не для веревок. Рот, привыкший когда-то отдавать приказы так, чтобы зал не смел назвать их приказами.

Эреб замер.

Он много лет не входил в императорские залы, но некоторые лица власть врезала в мир глубже, чем печати в воск. Их знали не потому, что любили, а потому, что от них зависели казни, браки, войны, наследники, возвращение магов ко двору. Форма перед ним больше не была просто невозможностью. Она была угрозой с лицом.

Женщина, которую двор должен был похоронить достаточно глубоко, чтобы ее имя перестало двигать живыми.

Страх стал тяжелее, тягучее. Эреб первый раз за годы ощутил в себе его.

Не новый Архонт пугал Эреба сильнее всего. Пугало другое: Лес сделал его из тела, способного расколоть эту страну одним появлением.

Почему она попала в Лес – Эреб не знал. И это незнание было хуже любого ответа.

Лес не выбирал лиц случайно. Или Эреб слишком долго прожил рядом с ним, чтобы верить в случайность. Перед ним стояло не просто новое невозможное создание. Перед ним стояло тело, которое человеческий мир уже должен был считать мертвым.

Он не произнес ее прежнего имени вслух. Не дал Лесу услышать, что он узнал. Не дал пустой оболочке чужого имени. Та женщина уже принадлежала мертвым. Той, что вышла из Леса, имя еще предстояло получить.

– Буду называть тебя Люмен, – произнес он с какой-то отстраненной безнадежностью, которая свойственная только очень древним существам.

Имя легло на площадь без эха. Оболочка не вздрогнула. Не приняла. Не отвергла. Но Храм ответил. Где-то под базальтом корни напряглись, как пальцы, сомкнувшиеся вокруг новой нити. Лес за ее спиной стал неподвижен.

Эреб смотрел на существо, которому только что дал имя.

Пока еще – только пустота в форме женщины. Но форма...

И это означало только то, что мертвые не всегда остаются там, куда их оправили.

Люмен стояла перед ним и не дышала.

А глубоко в Лесу, за корнями и мхом, древний механизм Леса продолжал свое движение.

Глава 1. Бараки

Утро в бараках начиналось задолго до рассвета. Не ради какой-то пользы. Пользу здесь не считали. Считали тела, ремни, оружие, котлы, фиксаторы на шеях и тех, кто не дожил до проверки. Свет приходил позже, уже после первого удара палки по двери, после скрипа привязей, после кашля, после того, как Лес за северными воротами успевал напомнить о себе сыростью в камнях.

Сначала просыпались ремни. Они, казалось, слегка хрустели на запястьях, подрагивали на шеях от дыхания, на тех, кого ночью пристегивали к кольцам в стене. Потом просыпалась мокрая кожа: сапоги, португепи, старые куртки, не высушенные за ночь. Потом кислый пот, старая кровь, железо у оружейной, дым из кухонной щели, теплая вонь похлебки, которую варили так долго, что крупа в ней теряла форму раньше, чем мясо – происхождение.

Люмен лежала на нижней доске у восточной стены и смотрела в темный потолок. Сон не приходил к ней так, как приходил к другим. Он накатывал волнами, окутывая голову, но не отключая сознание. Люмен казалось иногда, что вот еще мгновение и ее накроет тишина. Пустота без мыслей окутает ее разум, и она сможет снова провалиться в спокойный ровный сон. Но она каждый раз удерживалась на краю сознания. И каждый раз жалела, что смогла это сделать.

Тела вокруг проваливались, дергались, бормотали, возвращались из снов с чужими слезами или беззвучными криками. Тело Люмен просто прекращало лишние движения. Дыхание становилось реже. Веки закрывались. Мышцы сохраняли тепло.

За год тело выучило многое. Когда нужно повернуться на бок, чтобы не выглядеть мертвым. Какой силы должен быть вдох после команды подъема. Как долго можно смотреть в одну точку, прежде чем старший надзиратель заметит и ударит палкой по доске рядом с лицом. Как опускать плечи, чтобы это походило на усталость, а не на отсутствие воли.

Усталое били меньше. Слишком тихое били чаще. Люмен училась выживать в этом мире на границе Леса.

Шум в бараке становился громче. Не тот, который можно было услышать ухом. Шумом называли все, что оставалось внутри человека и мешало магии заполнить его целиком. Магия не терпела тесноты: она занимала только свободное пространство, а все, что принадлежало самому человеку, становилось для нее помехой. Воспоминания, страхи, желания, привязанности – то, что люди привыкли считать собой, маги называли Шумом. Он не звучал, но его присутствие ощущалось почти физически, особенно здесь, среди тех, кого Лес не сумел очистить до конца. В одних он едва тлел, оставляя человеку достаточно сил, чтобы вставать по команде и выполнять работу. В других накапливался, беспорядочно отзываясь на чужую магию, заставляя тело повто-

рять забытые движения, искать людей, которых больше не существовало, или переживать ужас, причину которого память уже не хранила. Маги учились избавляться от Шума, потому что каждая его крупица отнимала у них часть возможной силы. Чем меньше оставалось помех, тем больше магии мог вместить человек. Считалось, что величайшие из магов достигали такой чистоты, при которой Шум исчезал совсем. Люмен знала об этом из объяснений надзирателей, но ей было трудно понять, почему отсутствие чего-либо считалось достижением. В бараке она каждый день видела людей, у которых отняли почти все. Могуущественнее они от этого не становились.

Рядом, на верхней доске, мужчина без голоса начал открывать рот еще до подъема. Челюсть двигалась медленно, будто внутри продолжалась фраза, которую никто не слышал. Горло вздувалось. Воздух выходил сухим, пустым. Лес оставил в нем крик, но забрал звук.

Через проход женщина с коротко остриженными волосами спала сидя, привязанная за пояс к столбу. Ее левая рука поднималась, разворачивала кисть и опускалась вниз. Снова. И снова. Ровно. Упрямо. Движение было не боевым и не мирным. Оно просто пережило человека, которому когда-то принадлежало. Каждое утро, когда взгляд Люмен пробежал по этой женщине, она думала о том, что когда-то это тело могло рубить дрова, мясо, шею, корень – теперь оно рубило воздух между койками.

У дальнего конца барака кто-то тер кожу на предплечье. Скреб. Скреб. Скреб. Звук был очень тихий, практически на грани слуха Люмен, но от этого он был одним из самых неприятных в бараке. Она буквально ощущала, как ногти дефектного уже проходили по мокрому, но рука не останавливалась.

Люмен повернула голову. На соседней доске дефектная девушка с седыми висками улыбалась каждый раз, когда кашель выворачивал ей грудь. Улыбка была тонкая, аккуратная, бессмысленная. Тело помнило радость не там, где нужно. Но это давно не удивляло. Люмен видела все это не один раз: крик, движение, кожа, улыбка, рана. У каждого оставалось что-то, что продолжало работу вместо человека.

В ней же не продолжало работу ничего, что она могла бы узнать как свое.

Колокол ударил один раз. Кто-то из надзирателей ударил в дверь барака палкой. День на посту начинался. Дефектные начали подниматься. Не все сразу. Некоторые – как солдаты, слишком быстро и точно, потому что прежняя дисциплина пережила душу. Некоторые – рывками, будто команды доходили до мышц через толстый слой воды. Один не поднялся вовсе, пока надзиратель не ткнул его сапогом в бок. Тогда он сел, открыл глаза и попытался улыбнуться человеку, который его ударил.

Люмен начала подниматься на третьем общем движении. Не первой. Первых замечали.

Не последней. Последних били.

Она села, опустила ноги на холодный пол, позволила плечам чуть просесть и провела ладонью по лицу, как это делали те, кто возвращался из сна. Пальцы коснулись кожи. Лицо было на месте. Глаза открыты. Рот закрыт. Дыхание неровное настолько, насколько требовалось утру.

Люмен натянула на ноги ботинки и быстро надела куртку, которую подкладывала под голову. Нет, ей не требовался комфорт. Это было логично и выверено - держать амуницию рядом. Время на сборы с утра давали ровно столько, сколько стражники тратили на отвязывание и отстегивание самых шумных дефектных. А потом все должны были оказаться на улице.

Стражи выпускали из барачков во двор группами-связками. Это было удобнее имен. Имена путались, отпадали, вызвали лишние движения. Связка не вралась: первая, вторая, третья, учебная, ночная. В связку можно было поставить бывшую прачку, убийцу, конюха, девочку, которая больше не понимала слова мать, и странную женщину лет двадцати пяти, если ее привел великий Архонт.

Предраассветный ветерок ударил в ноздри, выгоняя из носа затхлый запах барачков. Но Люмен не обращала на это никакого внимания. Дефектные собирались на утреннее построение. Точнее собирались кто мог собраться сам. Часть вытаскивали и волокли из барачков стражники.

Люмен на мгновение замерла, стоя в третьем ряду. Двор

пах холодом, железом и близким Лесом. Кромкой называли область между постами людей и темными стволами за северными воротами, но это была не линия деревьев. Лес начинался не там, где начиналась чаща.

Кромка... Иногда это десяток шагов, иногда – тысяча, а после сильных выбросов из чащи – еще больше. Но уже там менялся воздух, железо отвечало иначе, птицы садились не на все ветви, вода в канаве могла внезапно закипеть, а дефектные начинали слышать то, чего остальные не слышали. Саму кромку никто не видел. Ее определяли. Чувствовали. Она вызывала какой-то первобытный животный страх у людей и манящее, искушающее чувство у дефектных.

Иногда Люмен казалось, что кромка – это путь назад, в ту чащу из которой выходят дефектные, словно из материнской утробы. Она не раз видела, как носители шума замирали, глядя в сторону чащи. И в эти моменты Люмен понимала, что только магические обручи на шеях сдерживают их.

Саму же ее это не беспокоило. Она не слышала зова Леса. Наверное, это могло бы казаться милостью... или проклятьем. Люмен никогда об этом не думала. Самой ей не хотелось, а надзиратели не давали приказа это делать. А даже если бы и дали, но она бы смогла его понять.

У северных ворот каждое утро проверяли расстояние до кромки: до первой мертвой сосны, цвет мха у рва, звон трех железных колец на сигнальном столбе и реакцию обручей на тех, кого выводили ближе всего. Маги называли это зоной

отклика. У сигнального столба стояли закрепляющие знаки, которые проверяли вместе с кольцами: пока знаки держали, маги могли удерживать привычную границу безопасной полосы.

Пост стоял не у самой Кромки. Между ними оставляли пространство, которое нужно было каждый день заново подтверждать как безопасное. Сразу за воротами шел ров с мостом, дальше открытая полоса с дорогой, связывавшей пост с поселком, затем выносной сигнальный столб, поставленный так, чтобы его было видно с башни. За столбом начинались мертвые деревья – территория, которой люди не доверяли. Настоящие стволы Пожирающего Леса стояли дальше, плотные, темные, всегда будто на шаг ближе, чем их помнили. Если кромка уходила назад, это считалось хорошим знаком. Так бывало после холодной зимы или долгого затишья. Если подходила вперед на один-два шага, маги заносили изменение в журнал и делали новые замеры. Если на пять – усиливали караул. Если начинали звенеть обручи до выхода за ров, связки не выпускали вообще.

Часто из деревни приходил караван с людьми, которых стражники тащили сквозь кромку, чтобы скормить Лесу. Люмен уже привыкла не обращать на них внимания, ведь зачем запоминать то, что скоро или перестанет существовать совсем, или станет частью какой-то из связок поста. Единственное, что будило в девушке интерес – это ожидание того, что вернется. Иногда это был человек – если слово «че-

ловек» еще подходило. Он мог помнить только одно движение, одну боль, один звук или чужое имя, которое повторял до тех пор, пока не срывал голос. Это были дефектные, они были полезнее здоровых солдат, сильнее и опаснее их. Маги называли это принципом равного обмена. Лес забирал что-то, давая взамен огромную силу, которую Империя ставила на свою службу. И на приграничных постах оставались только самые слабые и шумящие дефектные. Но иногда Лес отдавал тела, в которых ничего человеческого уже не оставалось, кроме привычки двигаться. Иногда из чащи выталкивало сгусток чужого Шума – боли, страха и обрывков воспоминаний, который искал, к кому прицепиться.

Иногда не выходило ничего - Лес мог переварить все без остатка...

Люмен снова поняла, что думает. И это насторожило ее. Мысли, словно пытались замаскировать от нее что-то, что изменилось. Но девушка не могла понять что. Строй так же стоял, так же вдоль него шли надзиратели, так же у стены привычно обновляли расстояние до кромки на табличке...

Сегодня число на табличке еще не меняли.

А у северной стены было больше людей, чем обычно.

Люмен почувствовала неправильность происходящего. По утрам она сотни раз видела, как надзиратели спорят о расстоянии, как маги сверяют записи, как писец меняет число шагов на табличке у ворот. Если три дня подряд значение оставалось прежним, люди становились громче. Если умень-

шалось хотя бы на один – тише.

Люмен хотелось понять, что же заставило изменить этот ритм. Но выйти из строя она себе не позволила. Даже поворот головы, движение плечом или рукой - все было под запретом. Не выделяться, не показывать, что внутри есть хоть что-то. Делать, то, что говорят, не думать, не чувствовать. Выполнять свою функцию.

Старший надзиратель вышел из оружейной с палкой. Люмен знала, что его зовут Мален, но для нее это не имело веса. Оно было написано где-то в списках, произносилось младшими, иногда – магами, когда им требовалось сделать голос тверже. Но имя не исправляло стойку, не распределяло связки, не останавливало срыв. Важно было другое: голос, шаг, палка в правой руке, короткая пауза перед ударом, привычка смотреть не в лицо, а на то, что тело выдаст раньше лица. Это привычно пугало.

Он шел вдоль строя, как мастер вдоль стены с развешанным оружием.

У безголосого остановился на миг.

– Горло опять работает, – заметил надзиратель и указал на дефектного.

Младший писец, стоявший с дощечкой у плеча, поспешил цапнуть запись. Он был новым, отметила для себя Люмен: сапоги еще не стерты, воротник слишком чистый, глаза цепляются за лица. Лица в бараках были бесполезны – он не знал этого. Лицо могло принадлежать кому угодно. Полез-

ным было то, что осталось после Леса. Старший ткнул палкой безголосого под подбородок.

– Этого вперед не ставить. Внутри орет, наружу не дает. Если прорвет рядом со своими – половина строя дернется.

Писец кивнул слишком быстро – слова надзирателя не значили для него еще ничего. Люмен отметила, что скорее всего этот дефектный будет пущен в расход в первом походе, а может и после построения. Если есть хоть малейший риск, что дефектный может сорваться на шум Леса и утащить за собой всю связку – это был недопустимый риск. Хотя именно эти шумные собирали всех остальных в единый механизм, именно через них надзиратели и маги управляли связками.

Надзиратель и писец двинулись дальше вдоль строя. Люмен следила за ними краем глаза, стараясь не поворачивать головы. Старший остановился перед женщиной, чья левая рука продолжала привычное движение даже сейчас, на построении. Он подставил палку под ее запястье, не давая закончить удар. Кисть дрогнула, пальцы несколько раз сжались в воздухе, а мышцы предплечья напряглись так сильно, что под кожей проступили сухожилия. Женщина не смотрела на надзирателя. Ее глаза оставались неподвижными, будто тело и не заметило препятствия, а рука все еще пыталась выполнить работу, которую когда-то начала.

– Запоминай, – Мален кивнул писцу на женщину. – Таким даем топор. Левая рука помнит удар лучше, чем голова приказ. В первую линию ставить можно, но рядом с теми, кто

откликается на чужие движения, не ставь. Иначе до Леса не дойдут, друг друга перебьют.

Писец торопливо сделал пометку на дощечке, и они двинулись дальше. В нескольких шагах от них двое надзирателей пытались стянуть ремнями руки дефектного, который еще ночью раздирал собственное предплечье. Кожа на нем свисала неровными полосами, под ногтями запеклась кровь, а из новых ран медленно сочилась сукровица. Он не сопротивлялся и даже не замечал людей, возившихся с ремнями. Мужчина смотрел на свою руку с таким сосредоточенным вниманием, словно пытался рассмотреть что-то под кожей. Когда один из надзирателей затянул пряжку, дефектный слегка повернул голову, стараясь не потерять из виду место, которое только что расцарапал.

– После еды в ремни. И ногти срезать, – приказал Мален, обращаясь к надзирателям.

– Но он же вчера держал кромку, – не удержался писец. – Его в первой связке выводили.

Мален остановился. Люмен заметила, как ближайшие дефектные почти одновременно замерли. На посту не любили, когда младшие возражали старшим, особенно во время построения. Обычно подобные разговоры заканчивались ударом, и никто не мог заранее сказать, кому он достанется. Писец тоже, кажется, это понял. Он поспешно отвел взгляд, сделав вид, что проверяет последнюю запись, но было поздно. Старший уже повернулся к нему.

– Именно, – произнес Мален. – Вчера держал. И позавчера держал. И последние полгода выходил со связкой без единого срыва. А теперь посмотри на его руку. В прежних ведомостях такое отмечено?

Писец пролистал дощечки с записями и отрицательно покачал головой. Мален указал палкой на дефектного, который даже теперь пытался повернуть перебинтованное предплечье так, чтобы рассмотреть оставшиеся открытыми участки кожи.

– А я не видел. И старшие не видели. Еще вчера он выполнял команды, возвращался по сигналу и не пытался сорвать с себя обруч. А сегодня двое едва оттащили его от собственной руки. Это значит, что что-то изменилось. Что именно, я пока не знаю. Но пока не выясним, к связке его не подпускать. Особенно к кромке.

Писец записал распоряжение, на этот раз уже не пытаясь возражать. Мален дождался, пока тот закончит, и оглядел строй. Затем неожиданно развернулся и пошел обратно, туда, где стояла Люмен. Девушка заметила его приближение, но не изменила положения тела. Мален уже прошел ее ряд, но теперь возвращался намеренно, ведя за собой писца. Люмен не пыталась угадать, какой пример он собирался показать молодому человеку: любое лишнее движение могло привлечь внимание сильнее его палки.

– Теперь покажу тебе еще кое-что, – сказал Мален писцу, остановившись перед ней. – Смотри внимательно. Этот урок

тебе пригодится, если хочешь дожить до следующей зимы.

Он поднял палку и остановил ее под подбородком Люмен. Тело успело опустить голову прежде, чем дерево коснулось кожи. Движение было почти незаметным, привычным и настолько быстрым, что писец, вероятно, его даже не уловил. Мален слегка надавил палкой, заставляя девушку наклониться еще ниже, а затем убрал ее и приказал выпрямиться.

– По лицу их не оценивай, – продолжил надзиратель. – Тут у половины лица давно ничего не значат. По стойке смотри. Видишь, как стоит?

Писец обошел Люмен сбоку, пытаясь понять, на что именно ему предлагают обратить внимание. Девушка чувствовала его взгляд, но не позволила себе проследить за ним. Плечи оставались чуть ниже естественного положения, руки свободно висели вдоль тела, пальцы не были сжаты. Она дышала достаточно часто, чтобы походить на человека, который плохо спал ночью. Все это Люмен выучила, наблюдая за остальными, и теперь повторяла почти без усилий. Сложнее было помнить, что даже слишком старательное подражание могло ее выдать.

– Она стоит нормально, – неуверенно ответил писец.

– Сейчас нормально, – согласился Мален. – А год назад, когда ее привели, стояла так, будто перед ней должны были расступиться. Даже когда приказа не понимала, даже когда ее били, шею держала прямо, плечи расправляла. Тело пом-

нило, как ему полагалось себя нести. А вот здесь, – он указал палкой на опущенные плечи Люмен, – уже то, чему мы ее научили.

Мален немного помолчал, позволяя писцу рассмотреть девушку, а затем без предупреждения ударил ее по запястью. Боль прошла от косточки до локтя, пальцы непроизвольно дернулись, однако Люмен не отдернула руку. За попытку защититься последовал бы второй удар, гораздо сильнее первого. Она смотрела перед собой, ожидая следующей команды. Пальцы на мгновение потеряли чувствительность. Она знала: так исправляли положение тела. Мален не требовал от нее ни крика, ни падения, ни даже выражения боли на лице. Достаточно было опустить кисть немного ниже, и Люмен сделала это, стараясь не показать, что движение было осознанным.

– Красота в строю мешает, – продолжил Мален, обращаясь к писцу. – Когда тело привыкло, что на него смотрят, оно продолжает держаться по-старому, даже если в голове уже ничего не осталось. А нам не нужны красивые. Нам нужны те, кто выполняет приказ. Запоминай, что осталось от человека, и думай, как это использовать.

Молодой писец снова посмотрел на Люмен. На этот раз внимательнее, чем прежде, словно надеялся обнаружить в ее лице или движениях что-то, чего не заметил Мален. Люмен уже привыкла к подобным взглядам. Новые писцы и надзиратели почти всегда начинали с одного и того же: пыта-

лись найти в ней признаки Шума, которые легко обнаруживались у остальных дефектных. Кто-то непроизвольно повторял движения, кто-то кричал во сне, кто-то плакал без причины или приходил в ярость от случайного прикосновения. У Люмен не было ничего подобного. Она не пыталась сорвать с себя обруч, не тянулась к Лесу, не разговаривала с людьми, которых не существовало, и не совершала действий, о которых впоследствии ничего не помнила. Поначалу отсутствие этих признаков казалось новым людям хорошим знаком, но довольно скоро они замечали, что за ним не скрывается ничего привычного. И тогда начинали смотреть еще пристальнее, стараясь понять, что именно с ней не так.

– Она совсем без Шума? – наконец спросил писец, понизив голос.

Мален перевел взгляд с Люмен на молодого человека и усмехнулся. Вопрос, кажется, его не удивил, хотя он явно ожидал, что писец задаст его раньше.

– Наконец заметил.

– Тогда почему она здесь? Разве таких не забирают маги?

Мален несколько раз ударил палкой по голенищу сапога. Люмен знала эту привычку: так он поступал, когда решал, стоит ли тратить время на объяснения. Писец замолчал, прижав дощечку к груди, и стал ждать. Старший надзиратель некоторое время рассматривал строй, будто выбирал среди дефектных подходящие примеры, а затем указал палкой на безголосого.

– С шумными проще. У этого крик остался, значит, следи за горлом и не подпускай к тем, кто отвечает на чужой Шум. У той с рубящей рукой ты уже видел, что сохранилось. Ее теперь можно поставить в первую линию, если удержат до команды. Другой видит то, чего нет, третьему кажется, что его кто-то зовет. Все это можно учесть, если знаешь, на что смотреть. Для каждого найдется работа, пока он способен выполнять приказ. А если больше не способен, значит, решать нужно уже не тебе.

Писец опустил взгляд к дощечке и принялся записывать. Люмен наблюдала за тем, как быстро его рука двигалась по поверхности, оставляя короткие отметки напротив номеров. Он записывал не особенности людей, а способы их применения. Она давно заметила, что именно так велся учет на посту. Никого не интересовало, кем дефектный был прежде, помнил ли он свою семью, профессию или собственное имя. Важно было установить, что осталось после Леса, можно ли этим управлять и сколько пользы принесет тело, прежде чем окончательно выйдет из строя. Сама Люмен тоже числилась в таких записях, хотя за год ей так и не удалось узнать, какую именно пользу от нее ожидали.

Мален снова повернулся к девушке и ткнул палкой в землю возле ее ног.

– А здесь нет того, за что можно ухватиться. Ни крика, ни повторяющегося движения. Даже к Лесу не тянется. Год назад Великий Архонт привел ее сюда и велел учить. Не бе-

речь, не лечить, не готовить к передаче магам. Учить. Вот мы и учим. Только обычного дефектного ты можешь заставить работать, если поймешь, что в нем осталось. А с этой приходится начинать заново. Тело помнит кое-что из прежней жизни, но это нам мало помогает.

Он слегка приподнял палкой подбородок Люмен, заставив ее посмотреть прямо перед собой, и продолжил уже тише:

– Понимаешь, писарь? В ней нет даже привычного дефекта. Остальные хоть чем-то выдают, что Лес с ними сделал. А эта пустая. И что с такой делать, кроме как выполнять приказ Архонта, я пока не знаю.

Писец некоторое время молчал, разглядывая Люмен, затем нерешительно спросил:

– А если она все-таки понимает? Не только команды, а вообще все, что мы говорим?

Мален убрал палку от лица девушки. Люмен почувствовала, что теперь он тоже смотрит на нее внимательнее, но не позволила себе изменить выражение лица. Вопрос писца оказался неожиданным. За год надзиратели не раз проверяли, способна ли она выполнять сложные приказы, различать предметы, запоминать последовательность действий. Однако почти никто не интересовался, понимает ли она происходящее вокруг, если оно непосредственно ее не касается. Люмен хотелось услышать ответ Малена, и это желание заставило ее сосредоточиться сильнее обычного.

– Тогда будет хуже, – наконец произнес старший.

– Почему? – спросил писец.

– Потому что пока она выполняет приказ, мы можем ее учить. А если начнет сама решать, какой приказ выполнять, а какой нет, придется выяснять, почему она вообще нас слушалась. И что сделает, когда перестанет. Ты ведь не знаешь, на что способно тело, которое Лес оставил совершенно пустым? Вот и я не знаю.

Писец снова опустил взгляд на дощечку. Некоторое время он держал палочку над поверхностью, не решаясь сделать запись.

– Что писать?

– Наблюдать, – коротко распорядился Мален.

Люмен запомнила это слово. Оно уже встречалось в распоряжениях, касавшихся ее, но до сих пор не сопровождалось таким долгим разговором. Она знала, что наблюдение означало дополнительные проверки, вопросы и иногда наказания за действия, которые не казались ей неправильными. Однако сейчас ее занимало другое. Писец спросил, понимает ли она окружающих, и Мален не ответил, что это невозможно. Значит, по крайней мере допускал такую вероятность. Люмен осторожно попыталась разобраться, почему это обстоятельство могло оказаться хуже любого проявления Шума, но надзиратель уже приказал строю расходиться, и дальнейшие размышления пришлось отложить.

После построения дефектным неожиданно выдали похлебку. Люмен заметила перемену еще до того, как открыли

котлы: вместо привычных приказов направляться на муштру надзиратели начали распределять связки возле кухни, а двое стражников принесли дополнительные скамьи. Обычно утро проходило в строго установленном порядке. Сначала проверка, затем упражнения на оружейном дворе, еда и только после нее распределение дневных работ. Сегодня же кормили до восхода солнца, хотя никто не объявлял об изменении распорядка. Повар, когда-то бывший толстым человеком, а теперь состоявший из костей, ожогов и привычки мешать содержимое котлов, разливал серую массу быстрее обычного. Надзиратель, следивший за выдачей пищи, даже не ругался на тех, кто проливал похлебку на землю. У ворот стояли две дополнительные бочки с водой, а в оружейной уже горел свет. Люмен отмечала эти подробности одну за другой, пытаясь понять, зачем посту понадобилось накормить дефектных раньше положенного времени.

Получив свою порцию, она села на край скамьи и начала есть. Похлебка была кислой, теплой и густой от пережженной муки. Иногда в ней попадались мягкие куски, которые могли оказаться мясом, хотя Люмен предпочитала не думать, откуда его брали в особенно тяжелые недели, когда поставки из поселка задерживались, а количество дефектных в бараках продолжало уменьшаться. Впрочем, еда не вызывала у нее ни удовольствия, ни отвращения. Она привыкла принимать пищу потому, что без нее тело слабело, начинало хуже выполнять команды и привлекало лишнее внима-

ние надзирателей. Люмен медленно поднесла ложку ко рту, проглотила очередную порцию и снова посмотрела в сторону оружейной. Там продолжали гореть факелы, хотя до рассвета оставалось совсем немного.

За соседним столом двое надзирателей разговаривали вполголоса. Обычно во время еды они не особенно заботились о том, слышат ли их дефектные. Большинство все равно не понимали разговоров, если те не касались непосредственно их самих, а остальные давно привыкли не обращать внимания на чужие слова. Но сегодня надзиратели то и дело поглядывали в сторону северных ворот, словно опасались, что кто-нибудь еще прислушается к их разговору.

– Северная кромка? – спросил один из них, мужчина с перебитым носом, которого Люмен часто видела в ночном карауле.

– Третья связка, – ответил второй, не поднимая головы от миски.

– Все?

– Не все. Хуже.

Первый надзиратель перестал жевать. Он некоторое время смотрел на собеседника, ожидая продолжения, но тот молчал, медленно размазывая остатки похлебки по дну миски.

– Опять не зверь? – наконец спросил первый.

– Если бы зверь, маги не бегали бы с ночи, – отозвался второй и отодвинул миску.

Люмен продолжала есть, не поворачивая головы. Она давно научилась прислушиваться к разговорам, не выдавая своего интереса. На посту было достаточно людей, которые не обращали внимания на присутствие дефектных, а потому при них нередко обсуждали вещи, не предназначенные для чужих ушей. Люмен не всегда понимала смысл услышанного, но запоминала слова и сопоставляла их с происходящим. Сейчас ее занимало упоминание третьей связки. Вчера учебных выводили только до полосы замеров, а вечером Люмен видела, как третью связку возвращали через северные ворота. Она не пересчитывала людей, потому что делать это без приказа было опасно, но помнила, что один из надзирателей долго ругался возле оружейной, требуя принести дополнительные ремни. Тогда Люмен не придавала этому значения. Теперь разговор заставил ее вернуться к вчерашнему вечеру и попытаться вспомнить, что еще показалось ей необычным.

Закончить размышления она не успела. Надзиратели начали собирать миски раньше положенного времени, не дожидаясь, пока все дефектные доедят. Один из стражников прошел между столами, постукивая деревянной рукоятью по краям посуды, и приказал вставать. Те, кто еще ел, торопливо отправляли в рот последние ложки похлебки, остальные поднимались и ждали дальнейших распоряжений. Безголосый дефектный, сидевший у стены, продолжал смотреть в пустую миску, пока надзиратель не забрал ее прямо из его рук. Женщина с рубящей рукой несколько раз попыталась

закончить привычное движение, но теснота между столами мешала ей поднять локоть. Повар у котла остановился, услышав приказ, и посмотрел на Малена, который стоял возле выхода. Только после короткого кивка старшего он снова принялся мешать остатки похлебки.

Люмен поднялась вместе с остальными. Обычно после утренней еды связки распределяли по работам: одних отправляли разгружать подводы, других – чистить ров, третьих выводили на оружейный двор. Ее учебная связка чаще всего получала деревянные палки и несколько часов повторяла одни и те же движения под присмотром надзирателя. Сегодня никого не отправили к хозяйственным постройкам. Стражники приказали выстроиться и повели дефектных обратно во двор, хотя утренняя проверка уже закончилась. Люмен заметила, что Мален не достал привычную черную флягу, из которой обычно пил настой после первого построения. За год она ни разу не видела, чтобы он забывал об этом, и теперь отсутствие фляги показалось ей еще одним признаком того, что распорядок изменился не случайно.

Когда двери барака распахнулись, внутрь ворвался холодный воздух, пахнувший сырой землей, дымом и Лесом. Солнце еще не поднялось над восточной стеной, поэтому камни двора оставались темными от ночной влаги, а в щелях между ними поблескивала вода. У северных ворот собралось больше людей, чем обычно. Люмен различила двух магов в серых дорожных мантиях, хотя на утреннюю проверку чаще

всего выходил только один. Рядом стоял писец с кожаным тубусом для донесений, а возле запора дежурили дополнительные стражники. Один из магов разговаривал с начальником караула, то и дело показывая на дорогу за воротами. Вторая держалась немного в стороне и осторожно обходила узкую полосу почерневшей земли, на которой никогда не росла трава. Люмен уже видела, как люди старались не наступать на нее, но маги обычно не обращали на подобные вещи внимания. Теперь женщина остановилась посреди шага и переставила ногу ближе к каменной кладке, прежде чем продолжить путь.

Возле оружейной тоже происходило что-то необычное. Оружейник вынес на свет несколько коротких мечей, осмотрел лезвия и принялся раскладывать их на деревянной стойке. Обычно в это время он выдавал учебной связке палки, утяжеленные железом, и только после второго колокола открывал хранилище настоящего оружия. Сейчас же двери были распахнуты настежь, внутри горели факелы, а у входа лежали копья, топоры и щиты, которые обычно доставали лишь перед выходом к кромке. Оружейник взял один из топоров, провел пальцем вдоль лезвия и громко выругался, обнаружив глубокую зазубрину. Рядом стоял дефектный с перебинтованным бедром, вероятно вернувшийся из ночной связки. Он заметно припадал на левую ногу, но оружейник даже не взглянул на его рану. Вместо этого потребовал узнать, кто выдал ему поврежденный топор и почему оружие

не заменили сразу после возвращения.

Мален прошел вдоль выстроенных связок, проверяя, все ли находятся на своих местах. Младший писец Малена следовал за ним с дощечкой, стараясь не отставать и одновременно записывать распоряжения, которые старший отдавал надзирателям. Когда они остановились у оружейной, Мален указал на приготовленные мечи и приказал начать выдачу. Писец поднял голову, посмотрел на оружие, затем на стоявших перед ним дефектных и, кажется, только теперь понял, что привычной утренней муштры не будет.

Среди дефектных тоже началось движение. Те, у кого после Леса сохранился страх, старались держаться ближе друг к другу или, напротив, отступали настолько, насколько позволяли ремни. Другие поворачивали головы к оружейной, реагируя на звон железа и голоса стражников. Женщина с рубящей рукой вытянула левую кисть вперед, словно уже пыталась нащупать рукоять меча, которого ей еще не дали. Безголосый поднял голову и несколько раз открыл рот, но ни один звук так и не вырвался из его горла. Люмен заметила эти движения и попыталась понять, почему раздача оружия вызвала такую реакцию. Дефектных нередко отправляли к кромке, и сама по себе выдача мечей не была чем-то необычным. Необычным было то, что вооружали их раньше положенного времени и, судя по приготовлениям, собирались вывести сразу несколько связок.

– Оружие выдать всем, кого отметили, – распорядился

Мален. – Проверить обручи и крепления. Если кто-то сорвется еще во дворе, обратно в барак не вести. Сразу ко мне.

Оружейник кивнул и начал вызывать дефектных по номерам. Железо внутри хранилища лежало рядами: короткие мечи, копья, топоры с утолщенными рукоятями, ножи и щиты с дополнительными ремнями для тех, чьи пальцы плохо удерживали оружие. На клинках не было гербов, рукояти давно потеряли обмотку, а кое-где проступала ржавчина, которую не удавалось полностью счистить. На посту не заботились о том, чтобы оружие выглядело красиво. Его подбирали под возможности каждого дефектного, а после возвращения связок забирали, проверяли и снова складывали на место. Если носитель погибал за кромкой, утраченное вместе с ним железо непременно заносили в ведомость. Люмен знала об этом, потому что однажды видела, как писец вычитал стоимость потерянного меча из довольствия надзирателя, который не сумел вернуть оружие с ночного выхода.

Когда назвали ее номер, Люмен шагнула вперед и протянула руку. Оружейник снял со стойки короткий меч, проверил, свободно ли лезвие выходит из ножен, и передал его девушке. Она отошла на свое место, не выпуская рукояти. Она ожидала, что ей выдадут еще что-нибудь – хотя бы щит, который полагался некоторым носителям первой линии, – но оружейник уже вызвал следующего дефектного.

Люмен получила только меч.

Рукоять была стерта чужими ладонями, гладкая в середи-

не и шершавая у края, где кожа трескалась от пота. В насечках темнела старая кровь, которую никто не пытался вычистить. Люмен сжала пальцы, привыкая к весу меча, и слегка приподняла его, проверяя равновесие клинка. Движение получилось легким и неожиданно плавным. Правая рука сама отвела оружие в сторону, плечи расправились, а подбородок чуть приподнялся. Она заметила это не сразу, потому что не собиралась принимать никакой стойки. Просто тело, едва почувствовав знакомую тяжесть, расположилось так, как привыкло когда-то.

Мален, наблюдавший за выдачей оружия, заметил это раньше нее. Он шагнул ближе и ударил палкой по предплечью, заставляя опустить руку. Люмен не издала ни звука, только пальцы чуть сильнее сжали рукоять. Старший надзиратель некоторое время смотрел на нее, словно решая, достаточно ли одного удара, затем перехватил палку и указал на остальных дефектных, ожидавших своей очереди.

– Ниже. И в строй возвращайся. Не задерживай выдачу.

Люмен опустила меч и вернулась на свое место. Она продолжала чувствовать боль в предплечье, но теперь старалась держать руку так, чтобы клинок не мешал соседям. Младший писец, стоявший возле Малена, проводил ее взглядом, однако ничего не спросил. После утреннего разговора он вообще стал заметно осторожнее и теперь записывал только то, что ему приказывали.

Выдача оружия закончилась быстрее обычного. Оружей-

ник убрал оставшиеся мечи, пересчитал пустые места на стойке и передал писцу дощечку с номерами выданного железа. Дефектным приказали выстроиться по связкам у северной стены. Люмен заметила, что привычного разделения на учебных и рабочих сегодня не было. Людей переставляли с места на место, некоторых переводили из одной связки в другую, а тех, кому требовались дополнительные ремни, отводили к надзирателям для проверки креплений. Женщину с рубящей рукой перевели из учебной связки в первую, вперед, рядом с двумя носителями, которые раньше выходили только в ночной караул. Безголосого, напротив, отвели в конец строя, подальше от тех, кто мог ответить на его отклик. Человека с разодранным предплечьем среди них не оказалось. Люмен видела, как его уводили от оружейной двое стражников, но не знала, собираются ли вернуть его после проверки или оставят на посту.

Мален ходил вдоль связок, проверяя номера и сверяя их с записями младшего писца. Несколько раз он останавливался, требовал переставить дефектного или заменить оружие, после чего продолжал обход. На этот раз он не объяснял молодому человеку каждое свое решение. Люмен заметила, что старший торопится, хотя обычно Мален мог потратить довольно много времени на построение, если считал, что связки распределены неправильно. Теперь же он почти не обращал внимания на привычные мелкие нарушения. Дефектному, который слишком медленно занял свое место, лишь при-

казал подтянуть ремень, а другого, начавшего раскачиваться из стороны в сторону, остановил коротким ударом палки по земле.

У северных ворот продолжали переговариваться маги. Один из них держал развернутую карту, второй показывал что-то на дороге за рвом. Люмен не слышала их слов, но заметила, что карта была старой: края бумаги потемнели, а один из углов держался на грубой нитяной прошивке. Обычно для выхода связок магам хватало записей о текущем положении кромки, которые каждое утро обновляли на табличке у ворот. Сейчас же они несколько раз сверяли карту с отметками писца и смотрели в сторону сигнального столба, словно не могли договориться о расстоянии.

Когда связки наконец выстроились, Мален остановился перед ними и оглядел людей. В руках у дефектных было настоящее оружие, а на поясах надзирателей висели дополнительные обручи и ремни, которые обычно брали только для возвращения особо опасных носителей. Люмен заметила, что несколько стражников проверяют запор северных ворот, хотя открывать их еще не приказывали. Один из магов подошел к Малену и что-то негромко сказал. Старший выслушал его, посмотрел на связки и только после этого отдал распоряжение.

– Первая и вторая – к воротам. Остальные ждут. За кромку без команды не выходить. Оружие держать при себе.

Люмен стояла в своей связке и смотрела на спины дефект-

ных, которые начали двигаться к северным воротам. Обычно перед выходом маги проверяли отклик обручей и объявляли расстояние до кромки. Сегодня этого не произошло. Вместо привычного порядка Мален приказал стражникам отодвинуть засов, а сам остался возле магов, продолжая смотреть на дорогу.

Ворота медленно открылись. За ними лежал знакомый ров, дальше тянулась дорога к сигнальному столбу, а за ней начинались мертвые деревья. Люмен смотрела на них и пыталась понять, что заставило магов изменить привычный порядок выхода. Она знала, что кромка могла смещаться за ночь, иногда на несколько шагов, но тогда это фиксировали еще до построения. Сейчас на табличке возле ворот по-прежнему стояло вчерашнее число. Никто не спешил его исправлять.

Один из магов наконец подошел к табличке, провел пальцами по деревянной поверхности и обернулся к Малену.

– Замер не подтвержден, – произнес он достаточно громко, чтобы слышали ближайшие стражники.

Мален посмотрел на открытые ворота, затем на выстроенные связки. Некоторое время он молчал, после чего приказал первой связке остановиться у самого выхода.

Люмен заметила, как маг снова посмотрел в сторону сигнального столба. Обычно без подтвержденного замера связкам запрещалось покидать пост, но сегодня первая и вторая продолжали стоять перед северными воротами с оружи-

ем в руках, ожидая распоряжения, которое никто не решался отдать. Остальные находились позади, вдоль стены оружейной, откуда можно было быстро вывести людей к проходу. Мален не позволял расходиться даже тем дефектным, которым обычно требовалось отдыхать между построениями. Надзиратели проверяли крепления обручей, пересчитывали оружие и переставляли носителей так, чтобы впереди оказались самые управляемые. Люмен заметила, что все это больше походило на подготовку к обороне поста, чем на обычный выход за кромку. Ворота после остановки первой связки оставили приоткрытыми настолько, чтобы пропустить возвращавшихся наблюдателей; за створками стояли стражники с копьями.

К полудню ожидание стало заметно сказываться даже на тех, кто привык выполнять приказы без лишних вопросов. Некоторые дефектные начали раскачиваться, повторять движения или поворачивать головы в сторону Леса. Обручи время от времени отзывались слабым звоном, заставляя надзирателей проверять крепления. Люмен стояла в третьем ряду учебной связки, держа короткий меч у правого бедра. За несколько часов рукоять успела нагреться от ладони, а рука начала уставать от непривычного веса. Она осторожно переместила пальцы, не изменяя положения оружия, и снова посмотрела на северные ворота. Маги по-прежнему находились возле прохода, но теперь к ним присоединился мужчина с бронзовой перевязью пограничного Совета. Он прибыл

со стороны поселка незадолго до полудня и почти сразу потребовал принести все утренние записи.

Советский писец с кожаным тубусом несколько раз подходил к Малену за списками. Сначала ему понадобились ведомости первой и второй связок, затем сведения о третьей, а после он вернулся за учебной. Старший надзиратель, до этого молча наблюдавший за приготовлениями, посмотрел на него так, что молодой человек замер с протянутой дощечкой.

– Учебную зачем? – спросил Мален.

– Магистр велел подготовить полный учет носителей, которых можно вывести за ворота.

– Учебная кромку еще не держала. Это в твоих списках тоже написано?

– Написано, – ответил писец и после небольшой паузы добавил: – Но магистр потребовал сведения обо всех.

Мален забрал дощечку, просмотрел записи и вернул ее молодому человеку. Люмен заметила, что он задержал взгляд на нескольких строках, а затем посмотрел в сторону магов.

– Тогда укажи отдельно, кто прошел кромку, а кто только муштру. И не вздумай потом переписывать, будто все они были готовы к выходу. Если придется считать потери, пусть считают правильно.

Маги тем временем спорили уже не скрывая раздражения. Тереза, старшая магичка с темной полосой ожога вдоль подбородка, стояла почти у самого прохода и несколько раз

требовала отправить людей к сигнальному столбу, пока еще оставалась возможность установить положение кромки. Молодой маг возражал, указывая на то, что последняя разведка не вернулась, а новые группы могли только увеличить число пропавших. Мужчина с бронзовой перевязью выслушивал обоих, постоянно поправляя рукав, под которым поблескивала металлическая печать Совета. Люмен видела, как он дважды подходил к воротам, но каждый раз останавливался прежде, чем пересечь порог.

– Если это сместится к дороге, стен нам не хватит, – сказала Тереза. – Мы даже не знаем, где теперь начинается зона отклика.

– Поэтому никто не выйдет, пока не будет подтвержденных сведений, – отрезал магистр.

– Подтвержденных кем? Разведка не отвечает. Кольца у столба начали звенеть до рассвета. Может, прежняя смена ошиблась с закреплением знаков. Дайте мне новые печати, и я проверю сама.

Магистр не ответил сразу. Он посмотрел на открытый проход, за которым начиналась дорога, и приказал одному из стражников проверить, на месте ли наблюдатель на башне. Стражник поспешил выполнять распоряжение, хотя с башни и без того каждые несколько минут подавали одинаковый сигнал: движение за кромкой не установлено. Люмен заметила, что магистр старается не смотреть на Терезу. Он мог приказать ей выйти за ворота, но почему-то не делал этого.

Ветер постепенно усиливался, принося со стороны Леса тяжелую сырость. Запах был знаком Люмен, однако прежде она чувствовала его так отчетливо только за рвом, куда дефектных выводили для проверки отклика. Теперь он проникал во двор, смешиваясь с дымом оружейной и запахом лошадиного навоза. В дальнем загоне конь начал биться о перегородку, не реагируя на окрики конюха. Несколько носителей в первой связке одновременно повернули головы к северу, а женщина с рубящей рукой подняла локоть, словно собиралась нанести удар. Надзиратель рядом с ней поспешил затянуть дополнительный ремень. Люмен заметила, что Тереза тоже обратила внимание на изменения: она присела возле ворот, провела пальцами по потемневшему мху между камнями и долго рассматривала оставшуюся на коже влагу. Затем поднялась и направилась к магистру, но не успела произнести ни слова.

За воротами раздался рог.

Сигнал был протяжным и неровным, словно человеку, который трубил, не хватало воздуха. После первого звука последовала короткая попытка повторить его, но она оборвалась хрипом. Мален немедленно поднял палку, требуя внимания надзирателей, и приказал сомкнуть ряды. Первая и вторая связки уже стояли у прохода, поэтому перестраивать пришлось только задних. Стражники с копьями заняли места за створками ворот, а двое лучников поднялись на лестницу к северной стене. Магистр с бронзовой перевязью от-

ступил от прохода, позволив начальнику караула отдавать распоряжения. Женщина с ожогом, напротив, подошла ближе к воротам и потребовала открыть их шире, чтобы видеть дорогу.

За стеной снова послышался рог, теперь гораздо ближе. Один из стражников крикнул, что видит движение у сигнального столба, но не может разобрать, сколько людей приближается. Начальник караула приказал лучникам приготовиться и только после этого велел раздвинуть створки. Дефектные в передних рядах подняли оружие, ожидая команды. Люмен заметила, что даже Мален перестал следить за их стойкой и теперь смотрел исключительно на проход. Несколько мгновений никто не двигался, затем из-за ворот показался человек, который с трудом переставлял ноги. За ним на дороге тянулась темная полоса от волокуши. Лошадей за кромку не водили: они не выдерживали лесного отклика, а потому раненых приходилось вытаскивать на себе.

Второй носитель шел следом и поддерживал третьего, чьи ноги почти не слушались. Первому приходилось тащить за собой волокушу, на которой лежали еще двое: один с туго перетянутой грудью, другой неподвижный, со свешенной за край рукой. Его пальцы цепляли землю, оставляя на камнях темные полосы. Все пятеро выбрались из Леса сами; только у самых ворот стражники подхватили волокушу и помогли втащить ее во двор. Люмен попыталась пересчитать вернувшихся. Из восьми, отправленных в разведку ночью, вер-

нулись пятеро. Даже те, кто сумел добраться до ворот, едва сохраняли способность двигаться. На груди одного из носителей была разорвана куртка, через которую проступала почерневшая кожа. Другой шел с открытыми глазами, но постоянно поворачивал голову в сторону Леса, будто слышал там что-то, не дававшее ему отвернуться.

При виде разведчиков начальник караула приказал передним связкам расступиться, освобождая место возле ворот, а раненых отвести отдельно от строя. Несколько стражников бросились помогать раненым, однако Тереза резко остановила их, потребовав сначала проверить обручи. Только теперь Люмен заметила, что металлические фиксаторы на шеях вернувшихся потемнели. На одном из них проступили тонкие трещины, а другой едва заметно светился возле застежки. Молодой маг подошел к носителю с поврежденным обручем, но, увидев металл вблизи, остановился и отступил на несколько шагов. Он поднял руку, словно собирался наложить заклинание, однако пальцы дрогнули, и маг поспешно спрятал ладонь в рукав. Женщина с ожогом посмотрела на него, ничего не сказала и сама занялась раненым.

Магистр с бронзовой перевязью оставался возле ворот. Лицо его почти не изменилось, но Люмен заметила, как он несколько раз сжал пальцы на краю мантии. Раньше он требовал подтвержденных сведений и не позволял никому выходить за стены. Теперь перед ним находились люди, которые могли эти сведения дать, однако он почему-то не торо-

пился приблизиться к ним. Когда один из стражников попытался провести мимо него носителя, магистр отступил, уступая дорогу.

Запах пришел вместе с разведчиками. От их одежды несло горелой кожей, кровью и тяжелой лесной сыростью. Когда разведчиков провели мимо строя, обручи стоявших поблизости дефектных начали тихо позванивать. Женщина с рубящей рукой резко выпрямилась, несколько носителей первой связки одновременно повернули головы к воротам, а безголосый так сильно напряг шею, что под кожей выступили жилы. Надзиратели принялись проверять крепления, стараясь не подпускать носителей к раненым; маги выставили между ними два гасителя отклика, но обручи продолжали позванивать. Люмен стояла неподвижно. Она не чувствовала того, что заставляло других тянуться к разведчикам, но замечала последствия этого воздействия и пыталась понять, почему оно оказалось настолько сильным, что даже маги не решались приблизиться.

– Кто старший? – потребовал магистр, обращаясь к вернувшимся.

Один из вернувшихся надзирателей, мужчина с выбритой головой попытался выпрямиться. Он сделал несколько шагов вперед, но остановился и согнулся, когда изо рта потекла густая черная слюна. Стражник протянул ему тряпку, однако мужчина оттолкнул руку и несколько раз сглотнул, пытаясь восстановить дыхание. Только после этого он поднял голову.

– Оно не держало форму, – произнес он.

– Что именно? – спросил магистр. – Вы столкнулись с существом? Сколько их было?

– Не знаю. Сначала одно. Потом... – Мужчина замолчал, словно пытался вспомнить последовательность происходившего. – Оно звало. Не голосом. Шумом. Дефектные пошли туда, хотя приказа не было.

Женщина с ожогом приблизилась к нему после того, как стражники отвели остальных раненых к стене, и осторожно осмотрела поврежденный обруч. Люмен заметила, что она не касается металла голыми руками: прежде чем проверить трещину, магичка достала из кармана узкую кожаную полоску и обернула ею пальцы.

– Как дефектные вернулись? – спросила она.

– Мы их оттащили, – ответил мужчина. – Я не помню, как выбрались.

Женщина с ожогом подняла взгляд на магистра. Тот некоторое время смотрел на раненого, затем приказал немедленно закрыть ворота. Начальник караула уже собирался выполнить распоряжение, когда человек на волокуше внезапно дернулся. Его грудь была туго перетянута окровавленной тканью, а ноги лежали неподвижно, но верхняя часть тела резко приподнялась. Раненый раскрыл рот и попытался издать звук, однако вместо крика из горла вышел только хрип. Его левая рука поднялась, развернулась в запястье и с силой опустилась вниз, словно он пытался ударить невидимую

цель.

Женщина с рубящей рукой, стоявшая в первой связке, повторила движение.

Это произошло почти одновременно, и Люмен не сразу поняла, почему надзиратель рядом с женщиной схватился за ее обруч. Та продолжала держать топор, но теперь пыталась поднять его снова, несмотря на приказ остановиться. Раненый на волокуше дернулся во второй раз, и еще несколько дефектных в строю начали двигаться, словно отвечая на его Шум. Мален бросился к раненому, ударил его палкой по горлу и приказал стражникам затянуть ремни. Человек захрипел и упал обратно на волокушу. Женщина с топором остановилась, но ее пальцы продолжали судорожно сжимать рукоять.

Маги некоторое время молчали. Молодой смотрел на раненого так, словно впервые видел подобное проявление Шума. Магистр с бронзовой перевязью снова потребовал закрыть ворота, однако Тереза остановила начальника караула, указав на потемневшие камни возле прохода и на целые гасители, сквозь которые по-прежнему проходил отклик.

– Поздно, – сказала она. – Отклик уже здесь.

Магистр резко повернулся к ней.

– Тереза, ты уверена?

Люмен отметила, что у женщины с ожогом тоже есть имя. Почему-то это тоже казалось чем-то странным.

– Посмотрите на обручи, – огрызнулась женщина. – Они

отвечают здесь, во дворе, хотя защитные гасители целы. Я отведу раненых за внутренний контур. Если звон останется, значит, дело не только в них. Тогда зона отклика подошла к стене ближе прежних замеров. Если мы закроем ворота и станем ждать, дорогу к поселку может отрезать еще до ночи.

По приказу Терезы вернувшихся отвели за внутреннюю перегородку, отделенную от строя защитными гасителями. Молодой маг остался у каменной черты и следил за обручами. Звон не прекратился. Магистр проверил крепления гасителей, потом еще раз взглянул на северные ворота, словно ждал, что кто-то укажет ему на ошибку. Только после этого он подозвал советского писца с кожаным тубусом и потребовал ведомость всех пригодных к выходу носителей.

– Сколько у нас готовых? – спросил он Малена.

– Первая и вторая полностью. Третья тоже может выйти. Учебная кромку не держала.

– Значит, пойдут все. Я привез печати Совета, сильнее тех, которыми держали старую линию. Тереза установит их у сигнального столба. Если прежняя смена ошиблась со знаками, новый контур восстановит границу. Первая и вторая связки идут впереди и прикрывают магов. Учебная идет с ними за кромку, третья держит обратный путь.

Мален не ответил сразу. Он посмотрел на магистра, затем на раненых разведчиков, которых стражники уже начали отводить в сторону от строя.

– Учебная не проходила зону отклика, – повторил он. – Вы

их потеряете еще до того, как они доберутся до сигнального столба.

– Если мы не остановим смещение, – вмешалась Тереза, – завтра у нас может не оказаться ни учебной, ни первых трех. Кромка уже отвечает на пост. И если она продолжит двигаться, стены нас не спасут.

Мален перевел на нее взгляд. Люмен заметила, что он впервые за разговор не стал сразу возражать. Старший надзиратель хорошо знал, сколько времени требовалось, чтобы подготовить связку, и обычно сопротивлялся любым приказам, которые могли привести к потере управляемых носителей. Но сейчас он видел раненых разведчиков, поврежденные обручи и реакцию тех дефектных, которые даже не выходили за ворота. Он еще раз посмотрел на женщину с топором и приказал надзирателю дополнительно закрепить ее руку.

– По уставу при отклике внутри стен выход запрещен. Вы сейчас требуете вывести все связки? – Мален не опустил взгляда. – Если учебная сорвется, остальные пойдут следом. Мы можем потерять всех одновременно.

– Требую, – ответил магистр. – Под мою печать. Тереза пойдет с усиленными знаками, первая и вторая прикроют ее до столба. Учебную ведите за ними и держите подальше от раненых. Возможно, вчерашние маги просто неверно поставили защиту. Пока мы можем проверить это, придется идти.

Люмен слушала разговор, держа меч у бедра. Она пони-

мала, что ее связку собираются отправить за кромку впервые. Сегодня ей предстояло идти за кромку вместе с первой и второй, не дожидаясь привычной проверки в безопасной полосе. Мален закончил распоряжения, прошел вдоль строя и остановился перед учебной связкой. Несколько мгновений он рассматривал дефектных, проверяя, все ли стоят на местах, затем приказал им подойти ближе к первым трем связкам.

Стражники начали перестраивать ряды. Люмен шагнула вперед вместе с остальными, стараясь не задеть мечом стоявшего рядом дефектного. Ворота снова открыли, хотя люди, вернувшиеся из разведки, еще не успели покинуть двор. Стражники уводили раненых разведчиков за перегородку, а Тереза уже что-то торопливо чертила на камнях возле прохода.

Мален поднял палку, ожидая, пока связки займут свои места. Когда первая двинулась, Люмен пошла вместе с учебными за передними рядами. Под сапогами застучали доски моста, и за воротами открылся знакомый сигнальный столб. Люмен привыкла видеть его с безопасной стороны рва; теперь она впервые шла туда, куда прежние распоряжения запрещали ее связке заходить. На столбе висели три железных кольца, но ни одно не звенело.